

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

До революции 1921 г. образование и наука в Монголии находились на самом низком уровне. Не представляло исключения и языкознание. А между тем жизнь с первых же дней революции потребовала от едва зародившегося монгольского языкознания ответа на многие, подчас трудно разрешимые вопросы развития и совершенствования монгольского языка и письменности.

Ученым Монгольской Народной Республики, группировавшимся вокруг Комитета наук, необходимо было прежде всего обеспечить немедленное решение проблемы широкого развертывания народного образования и массовой ликвидации неграмотности — этого наследия феодализма. Нужно было создать учебные пособия по монгольскому языку для учителей и учащихся, организовать подготовку педагогических и научных кадров и т. д. Другая неотложная задача — сближение письменного языка с современным общенародным языком монголов, ликвидация двуязычия, тормозившего развитие национальной культуры, — также требовала серьезных усилий со стороны монгольских языковедов.

Коренные изменения в политической жизни страны, быстрое развитие ее экономики и культуры вызвали большие изменения в словарном составе монгольского языка. В связи с этим лингвистам МНР пришлось проделать большую лексикографическую и терминологическую работу.

К числу самых насущных задач относилась и задача реформы старой вертикальной письменности, заимствованной монголами от уйгуров еще в XIII в. Эта письменность серьезно затрудняла дело обучения современному монгольскому языку народных масс, поскольку она была неспособна передавать фонемы живой речи и графически была очень несовершенна. Над решением всех этих задач и работали монгольские лингвисты Комитета наук и Министерства просвещения МНР в довоенный период. В те годы вышел в свет ряд учебников и учебных пособий по монгольскому языку для школ и техникумов. Лексикографы составляли словари и терминологические справочники по отдельным областям знаний: географии, математике, физике и т. д.

Большой интерес представляет целая серия трудов, объединенных общим заглавием «Монгол хэл бичгийг сайжруулах бодлогын угуулэл» («Вопросы улучшения монгольского языка и письменности») и имевших целью способствовать развитию и совершенствованию монгольского языка. В 1934—1935 годах вышло девять выпусков этой серии. Все они явились крупным вкладом языковедов в дело разработки проблем национальной культуры Монголии.

Перед войной вышла и грамматика Ш. Лувсанвандана, представляющая собой первую в истории страны попытку дать основательное описание грамматического строя монгольского языка. До революции интересы монгольских филологов не простирались дальше вопросов письменности и орфографии. К тому же их работы не были рассчитаны на массового читателя.

В те же годы проводилась подготовка к реформе письменности. Первая попытка перехода на новый алфавит была предпринята в 1930—1931 годах. Однако практически этот вопрос был поставлен в 1940 г. Инициатива принадлежала покойному маршалу Чойбалсану, который не только указал на необходимость реформы, но и дал ряд руководящих указаний относительно путей ее проведения. Он ориентировал комиссию по реформе письменности не на латинскую основу, как это первоначально проектировалось, а на русскую и рекомендовал при разработке орфографии и новых грамматических правил опираться на нормы современного монгольского языка¹.

¹ См. Ц. Дамдинсүрэн, О принципах новой монгольской орфографии, «Краткие сообщения Ин-та востоковедения», II, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 31—37.

В ноябре 1941 г. комиссия представила проект нового алфавита и орфографии, который и был несколько позже с небольшими изменениями принят для практического применения. Начало же введения в жизнь нового алфавита относится к 1 января 1946 г. На первых порах дело ограничилось преподаванием в школе и применением новой письменности в прессе. А позже на новую письменность было переведено все издательское дело, в середине же 1950 г. — и все делопроизводство в стране.

Таким образом, разработка нового алфавита и орфографии была быстро и успешно закончена. Благоприятный исход столь важного для монгольского народа дела был обусловлен тем, что во главе комиссии нового алфавита стоял Ю. Цэдэнбал — один из ближайших соратников маршала Чойбалсана, ныне премьер-министр Монгольской Народной Республики. Ближайшим помощником Ю. Цэдэнбала был Ц. Дамдинсүрэн — выдающийся монгольский поэт и ученый, возглавляющий в настоящее время Комитет наук МНР.

Ц. Дамдинсүрэн принадлежит ряд пособий и руководств по новой письменности. Самая ранняя из его работ такого рода была опубликована в 1942 г. (еще на основе старой графики и орфографии)². Она является тем проектом нового алфавита и орфографии, который был представлен комиссией в ноябре 1941 г. на утверждение ЦК Монгольской народно-революционной партии и Правительства МНР. Другая работа Дамдинсүрэна издана в 1946 г.³, когда новая письменность уже была введена в действие. В этой работе Дамдинсүрэн пользуется новой письменностью и излагает орфографию с учетом тех изменений, которые были приняты после 1941 г. В том же 1946 г. был выпущен букварь для начальной школы⁴, составленный Дамдинсүрэном по заданию Правительства МНР. Тем самым Дамдинсүрэн положил начало обеспечению школьников учебными пособиями. Под редакцией Дамдинсүрэна и Лувсанвандана в 1942 г. вышел в Улан-Баторе первый в истории монголов «Русско-монгольский словарь»⁵. Выход его в свет явился показателем больших успехов монгольского языкознания. Издан он на основе новой графики и орфографии.

Однако указанные выше пособия не могли разрешить все вопросы, связанные с новой орфографией. Это обстоятельство неоднократно подчеркивал Ц. Дамдинсүрэн, рекомендуя при колебаниях и сомнениях в написании того или иного слова обращаться к орфографическому словарю. Но такого словаря до последнего времени у монголов не было. Он вышел лишь в 1951 г. в Улан-Баторе под редакцией Дамдинсүрэна и Я. Цэвэла⁶. С появлением этого словаря большинство неясных и спорных вопросов орфографии оказалось решенным. Нет, правда, еще достаточной ясности в вопросах пунктуации, орфографии интернациональных слов, обозначения подлежащего и некоторых других. Эти вопросы стоят в центре внимания лингвистической общественности МНР. Впрочем, не в этих вопросах сейчас главное. Главная задача языковедов МНР заключается в настойчивом внедрении новой письменности в жизнь, в реализации задач, поставленных маршалом Чойбалсаном.

В языкознании и художественной литературе МНР наблюдается в настоящее время борьба нового со старым. Большинство писателей и лингвистов последовательно осуществляет указание маршала Чойбалсана о совершенствовании нового литературного языка на основе современного языка монголов. Они правильно и умело сочетают традиции и новаторство. Однако еще имеются писатели, тяготеющие к старине. Крупный монгольский писатель и лингвист Б. Ринчен, например, все время ратует за введение в новый литературный язык в возможно большем объеме элементов старого письменного языка. Такого рода теоретические послышки он реализует и на практике, прибегая в своем творчестве к архаическим формам, чуждым современному литературному языку. Общественность МНР уже отмечала, что перевод Ринченом на монгольский язык стихов Н. Хикмета — одного из лучших поэтов современности, активного борца за дело мира и демократии, осуществлен архаическим, мало понятным арадам языком. То же самое можно сказать и о переводе Ринченом стихов Г. Леонидзе, предпосланных роману «Заря в степи». Да и в своем романе «Заря в степи» он допускает большое количество архаизмов, наличие которых ни нормами современного литературного языка, ни какими-либо литературно-эстетическими мотивами оправдать нельзя.

Совершенно очевидно, что попытки воскрешения старого письменного языка не могут увенчаться успехом: новое непременно победит старое. Монгольские писатели и лингвисты уже сегодня добились больших успехов в области формирования и совершенствования литературного языка.

Решение указанных выше задач требовало проведения большой и глубокой теоретической работы на основе достижений марксистско-ленинского языкознания. Однако

² Ц. Дамдинсүрэн, Шинэ усгийн дурэм, Улан-Батор, 1942.

³ Его же, Монголын шинэ усгийн товч дурэм, Улан-Батор, 1946.

⁴ Его же, Монгол усэглэл, Улан-Батор, 1946.

⁵ Орос-монгол толь, Улан-Батор, 1942.

⁶ Шинэ усгийн зов бичих тухай толь бичиг, Улан-Батор, 1951.

на этом пути монгольские ученые встретили серьезное препятствие — «новое учение» о языке Н. Я. Марра и его последователей. До 1950 г. в МНР некоторые лингвисты проповедывали марровские или близкие к ним по своей вульгаризаторской сущности концепции. Наиболее типичным представителем этой группы был Б. Ринчен.

В работах Б. Ринчена и некоторых других монгольских языковедов можно было встретить и попытки элементарного анализа, и теорию скрещения языков, и марровское учение о классовом и надстроечном характере языка. Что касается теории скрещения языков, то Б. Ринчен придерживался ее и после выхода в свет трудов И. В. Сталина. В октябре 1950 г. была опубликована его статья «Значение слова»⁷. Лексикологическая часть работы не встретила серьезных возражений, но трактовка вопроса происхождения некоторых европейских языков дала повод Галараву⁸ упрекнуть Б. Ринчена в приверженности к марровской теории скрещения языков, разоблаченной в гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию.

Появление трудов И. В. Сталина по языкознанию было встречено в Монголии с большим удовлетворением. Они тотчас же были переведены на монгольский язык и опубликованы в печати. Члены Монгольской народно-революционной партии и Ревсомола, учащиеся и вся интеллигенция занялись глубоким изучением и пропагандированием сталинских положений, изложенных в работе «Марксизм и вопросы языкознания». Лингвисты МНР развернули энергичную деятельность. Они пересмотрели и исправили программы и учебные пособия по монгольскому языку, подвергли критике марровские ошибки, содержащиеся в работах отдельных ученых, провели ряд сессий и дискуссий.

Лингвистические сессии и дискуссии, проведенные Комитетом наук и Монгольским гос. университетом им. Чойбалсана за последние два года, дали мощный толчок дальнейшему развитию языкознания в МНР. Расширился круг проблем, занимающих монгольских лингвистов, найдено правильное решение ряда спорных вопросов, написаны новые труды и т. п. Перелом наметился решительно во всех областях лингвистики. Гениальные работы И. В. Сталина по языкознанию открыли широкие перспективы монгольским ученым, убедили их в необходимости более тщательного изучения языка, его специфики.

Если раньше терминологические вопросы решались в тиши кабинетов, в отрыве от жизни, языковой практики, то сейчас Государственная терминологическая комиссия обратилась к изучению тех реальных процессов, которые происходят в языке. Такой метод безусловно обеспечит плодотворность в работе лексикографов, до сих пор проходившей в значительной мере на холостом ходу. Это признают и монгольские ученые, получившие возможность после выхода в свет трудов И. В. Сталина по-новому оценить пройденный ими путь. Недавно Б. Содном, отчитываясь за работу Кабинета языка и литературы Комитета наук МНР, проделанную в течение 30 лет, указал, что в довоенных терминологических справочниках было много архаизмов⁹.

В таком же духе, т. е. без достаточного учета специфики языка, вели свою работу и некоторые грамматисты. Они, как и лексикографы, отгораживались от языка, искали закономерности не в конкретных фактах, а в готовых схемах.

В настоящий момент монгольские грамматисты избегают такого рода пороки. Об этом свидетельствуют их новые работы. Ш. Лувсанвандан и Б. Дэмчигдорж написали «Граматику монгольского языка» (фонетика и морфология)¹⁰. Их книга предназначена для школьников, однако по своему характеру она представляет нечто большее, чем обычный учебник по монгольскому языку. В «Предисловии» авторы кратко излагают основы сталинского учения о языке, грамматическом строе и словарном составе языка. Они не ограничиваются простым изложением сталинских положений, а руководствуются ими при исследовании конкретных языковых фактов. Поворот в сторону более тщательного и конкретного изучения языка, его специфики ощущается во всех разделах книги. В тех местах, где речь идет о лексике, составители учебника впервые в монгольской лингвистической литературе предприняли попытку систематизации и осмысливания разных типов сложных слов, которые получили широкое распространение в монгольском языке, но третируются некоторыми авторами, объявлявшими их употребление признаком плохого стиля¹¹.

Конкретный, соответствующий сталинскому учению о языке подход к грамматическому строю позволил Ш. Лувсанвандану и Б. Дэмчигдорж найти в современном монгольском литературном языке и такие глаголообразующие суффиксы, которые ни-

⁷ Журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1950, № 2.

⁸ Газ. «Унэн» от 24 июня 1951 г.

⁹ Б. С о д н о м, 30 жилд монголын хэл бичиг — утга зохиолын талаар хийсэн ажлууд, журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1950, № 3.

¹⁰ Ш. Л у в с а н в а н д а н и Б. Д э м ч и г д о р ж, Монгол хэлний зүй. Нэгдүгээр дэвтэр. Авиа ба угсийн зүй, Улан-Батор, 1951.

¹¹ См. Б. С о д н о м, Монголын утга зохиолын хөгжлийн түүхчилсэн толов, журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1946, № 12—13.

кем до них в научной литературе не выделялись. Авторы фиксируют наличие в литературном языке деепричастий: последовательного (*хлаар*, со значением «как только»), цели (*аар*, со значением «чтобы») и замененного (*хаар*, *лаар*, со значением «вместо того, чтобы»), бывших ранее достоянием говоров. Много нового и интересного содержится и в других разделах книги. Например, указание на отсутствие числа у повелительно-желательных форм глагола, ссылка на происхождение некоторых деепричастных форм от причастных, попытка внести ясность в вопрос о настояще-будущем времени глагола и т. д.

За первой частью грамматики вскоре последовала и вторая (синтаксис). Она целиком написана Ш. Лувсанванданом¹². Теоретические основы и метод исследования автора синтаксиса тот же, что и в только что рассмотренной морфологии. Поэтому все сказанное об общем характере учебника по морфологии относится и к учебнику по синтаксису. И здесь стремление глубже проникнуть в специфику языка позволило Лувсанвандану подметить ряд интересных явлений и найти решение некоторых спорных вопросов в области синтаксиса монгольского языка.

Не вдаваясь в подробности, сошлемся лишь на трактовку вопроса о сложном предложении. До последнего времени в монголистике шел спор о наличии сложносочиненных предложений в монгольском языке. Лувсанвандан с полной категоричностью и во всеоружии фактов утверждает, что в монгольском языке имеются сложносочиненные предложения, и дает четкую характеристику их. К такому решению проблемы о сложносочиненном предложении склоняются в последнее время и многие наши советские лингвисты-монголисты. Однако это вовсе не означает, что Лувсанвандан несамостоятелен в своих выводах. Правильнее будет объяснить такое совпадение во взглядах монгольских и советских лингвистов на один из кардинальных вопросов синтаксиса монгольского языка тем, что они исходили из одних и тех же теоретических предпосылок и пользовались одинаковым методом исследования, указанным нам И. В. Сталиным. Новые успехи в деле изучения грамматики монгольского языка являются, таким образом, следствием применения сталинских положений о языке к конкретному анализу языковых фактов.

Оживление в монгольском языкознании, обусловленное выходом в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», выразилось также и в усилении интереса к истории языка и диалектологии. Это и понятно, если учесть гениальные сталинские положения о законах развития языка и сравнительно-историческом методе в языкознании, дающие четкую программу исследователю. Монгольские лингвисты нашли в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» также конкретные указания по истории развития монгольских языков.

Проблемам истории монгольского языка и диалектологии посвящена, в частности, статья Н. Шарав-Иш «Некоторые вопросы развития языка», опубликованная совсем недавно в монгольской печати¹³. Шарав-Иш выдвигает ряд вопросов исторического развития монгольского языка, ставя их в связь с актуальными проблемами языкового строительства в Монгольской Народной Республике на современном этапе. В заключительной части статьи автор призывает Комитет наук, Государственный университет и Пединститут заняться исследованием говоров, справедливо замечая, что такого рода работа поможет установить правильную точку зрения на процесс формирования национального языка.

В настоящее время монгольские лингвисты заняты всесторонним и глубоким изучением грамматического строя и словарного состава монгольского языка. Коллектив авторов работает над русско-монгольским словарем, включающим 50 тыс. слов. Ввиду того огромного интереса к русскому языку и литературе, какой наблюдается в МНР, этот словарь явится настольной книгой для партийного актива, интеллигенции и учащихся МНР. А интерес к русскому языку велик: недавно две газеты (ревсомольская и профсоюзная) ввели на своих страницах отдел «В помощь изучающим русский язык». Большую работу проделал Ш. Цэвэг, составивший монгольско-русский словарь на 30 тыс. слов. Эта лексикографическая работа представит большой теоретический и практический интерес.

Наконец, нужно отметить толковый словарь, над составлением которого работает Я. Цэвэл. Автор намерен дать с соответствующими комментариями 50 тыс. слов. Выход в свет подобного словаря монгольского языка явится знаменательным событием в истории монгольского языкознания. Такого словаря до сих пор вообще не было, а потребность в нем большая. Выход его в свет будут горячо приветствовать не только монгольские, но и советские ученые, интересующиеся монгольским языком.

Б. Ринчен еще в 1950 г. написал грамматику монгольского языка. Это — первая теоретическая грамматика, созданная в МНР. Она содержит богатый и интересный языковой материал и оригинальные концепции. Ш. Лувсанвандан в послесловии

¹² Ш. Лувсанвандан, Монгол хэлний зүй. Хоёрдугаар дэвтэр. Угуулбарийн зүй, Улан-Батор, 1951.

¹³ Н. Шарав-Иш, Хэлний хөгжлийн тухай зарим асуудал, газ. «Унэн» от 17 мая 1952 г.

к «Грамматике монгольского языка», о которой речь шла выше, пишет, что Б. Ринчен тщательно разработал грамматическую терминологию, бывшую слабым местом у его предшественников, поднял ряд вопросов, которых до него никто не касался, и собрал хороший иллюстративный материал. Однако Б. Содном в отчете о работе Кабинета языка и литературы Комитета наук МНР¹⁴ указывает, что Б. Ринчен не учитывает последних достижений науки и тех новых явлений, которые наблюдаются в современном литературном монгольском языке. Комитет наук МНР провел широкое обсуждение грамматики Б. Ринчена, которое вскрыло в ней ряд крупных ошибок, включая и ошибки марровского толка. Иными словами, грамматика Б. Ринчена требует серьезного и тщательного редактирования, после которого она будет напечатана.

Таковы пути развития монгольского языкознания за годы существования народно-демократического строя в стране. Из многих достижений освобожденного монгольского народа одним из важнейших следует считать создание отечественной науки. Гениальные сталинские труды по языкознанию позволили лингвистам МНР достичь новых теоретических высот. Монгольское языкознание вышло на правильный путь. Влияние марровских теорий, сказавшееся, в частности, в игнорировании специфики языка, успешно изживается. Уже первые попытки применения сталинских положений в научно-исследовательской работе дали блестящие результаты, серьезные сдвиги намечались во всех областях монгольской науки о языке. Дальнейшее изучение и творческое применение сталинского учения о языке обеспечат ученым Монгольской Народной Республики достижение новых успехов.

Г. И. Михайлов

¹⁴ Журн. «Шинжлэх ухаан», Улан-Батор, 1951, № 3.